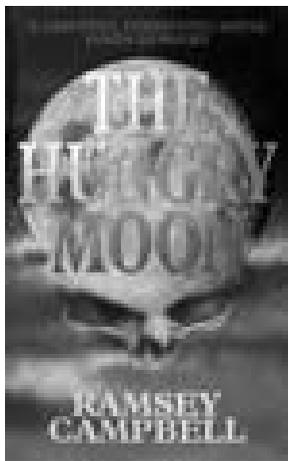

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ * СОКРОВИЩНИЦА НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Рэмси Кэмпбелл

Голодная луна

Воплощенный

Campbell, John Ramsey. The Hungry Moon. 1986
Перевод - О. Колесников, 1997

Campbell, John Ramsey. Incarnate. 1983
Перевод - О. Колесников, 1994

Издательство ООО «Международный центр фантастики»
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д.9, подъезд 9
тел./факс (495) 918-10-87

Лицензия ИД № 00068 от 6 сентября 1999 г.

Подписано в печать 05.11.2010. Формат 60x90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 50. Тираж 120 экз. Зак. № .

Кэмпбелл, Рэмси.

Голодная луна. Воплощенный. — М.: Международный центр фантастики, 2010. — 824 с.

Не предназначено для продажи.

ГОЛОДНАЯ ЛУНА

*Род людской страдает неизлечимой болезнью,
называемой грех.*

Билли Грэм.

*Провались, Гари Муни, не мучай нас более,
У нас есть цветы — умиловить тебя, ко-
торые мы оставляем у твоего порога.*

Из старой дербширской уличной песни.

*Ужасный культ, хранители которого предпо-
лагали, что чье-либо убийство ради веры было
вершиной религии, особенно если вы съедали по-
том принесенную жертву...*

Плиний Старший. О друидах.

*...страшиться Луны, кормить ее до насыщения и
никогда не наблюдать за тем, как она питается...*

Друидское трезвучие из Посидония.

Глава 1

Ник Рейд вышел из здания редакции на безлюдную Манчестер-стрит и изумился тому, о чем напомнило ему царившее вокруг безмолвие. Он вдохнул холодный воздух раннего утра и потянулся, поморщившись от боли, возникшей в теле от многочисленных ушибов и синяков, заработанных им во время подготовки своего последнего репортажа о забастовочном пикете. В конторе на Динсгейт звонил телефон; одинокий автомобиль проследовал мимо универмагов на Пикадили, потревожив стаю голубей, испуганно взметнувшихся из-под колес на фронтоны домов. Ник запустил пальцы в свою взъерошенную шевелюру и попытался стряхнуть с себя тишину. Воспоминания сейчас не были ему нужны; он хотел лишь прийти в себя, чтобы доехать до дома и там уже отключиться. Он наблюдал за тем, как одинокий лучик солнца выхватил из темноты громадные крыши, пробившись сквозь облака, несшие бурю по направлению к Пикс. Потом им вновь овладели воспоминания, которых не остановила даже боль в области шеи. «Диана», — от волнения у него сперло дыхание. Потом понял: что-то еще не в порядке.

Он заковылял обратно в здание редакции и, пройдя через фойе, многократно усилившее звук его шагов, поднялся по ступенькам в библиотеку. Пустые серые экраны мониторов тускло поблескивали под светом дневных ламп в маленькой белой комнате. Ему нужно позвонить Диане; боже, он даже не помнит, когда делал это последний раз. Однако сейчас не было необходимости будить ее. Он принялся перелистывать газетные подшивки за последние недели, пытаясь найти статью о Пикс.

Наконец он обнаружил ее в номере за последний понедельник, который как обычно содержал одно из обращений Чарли Несбита к читателям с просьбой не проводить каникулы и отпуска за границей, когда Великобритания и сама может в этом плане многое предложить. Этот выпуск прочитывался в тот час, когда Чарли разглагольствовал в пивной во время ленча, тыча черенком своей трубки прямо в физиономию слушателей или делая очередную затяжку всякий раз, когда высказывал новую мысль, которую сам расценивал как неопровержимую истину, не терпящую никаких возражений со стороны слушателей: «Район Пикс — это наше сокровище, древнейший ландшафт, настоящий дар Господа всем путникам, к тому же еще не испорченный туризмом...» Ник просмотрел абзацы, в которых перечислялись рекомендуемые для посещения места, потом медленно перечитал всю статью, надеясь, что ошибся. Но он ничего не пропустил. В статье не упоминался Мунвэл.

Он заставил себя вспомнить свое первое впечатление от этого маленького городка с пустыми улицами и странными песнопениями на вересковых пустошах. Он устал, и в этом была причина того, с каким трудом давались ему воспоминания; но разве Чарли тоже был слишком уставшим? Не приди Ник необычно рано — разве он узнал бы об этом так скоро? Ему следовало знать. Он побрел обратно в контору, располагавшуюся недалеко от библиотеки, проходя через лабиринт стеклянных кабинок, чтобы занять место за своим рабочим столом.

Рассылный, швырнув на стол утренний выпуск, вывел Ника из дремоты. Его репортаж был напечатан, хотя из него оказались убраны слова, что полиция, похоже, присутствием журналиста была возмущена не меньше, чем самими пикетчиками. Несколько ведущих журналистов уже сидели на своих рабочих местах, однако он не заметил среди них Чарли Несбита. Возможно, он еще завтракает, подумал Ник и схватил телефонную трубку.

К телефону подошла жена Чарли. «Минуту», — отрывисто сказала она и прикрыла рукой телефонную трубку. Где-то вдали Ник услышал ее жалобу: «Думаю, опять какая-то чепуха», — а потом трубка плюхнулась на деревянную поверхность. Этот приглушенный аргумент прозвучал перед тем, как Чарли взял трубку.

— Так, выкладывай, чего произошло такое экстраординарное, что необходимо было отрывать меня от завтрака.

— Чарли, это Ник Рейд. Извини, что побеспокоил тебя.

— Безумно рад этому, скажу я тебе. Чем могу служить?

Какой-то момент Ник собирался с мыслями, пытаюсь вспомнить цель своего звонка.

— Это может показаться несколько странным вопросом, но, все-таки, та статья, что ты написал о Пикс... В нее вносились какие-либо поправки?

— Ни в один из подготовленных материалов, никаких поправок. — Голос Чарли звучал немного забавно. — Но почему ты спрашиваешь? Тебя опять пытались отцензурировать?

— Не больше, чем обычно. Нет, я спрашиваю об этом, так как в твоей статье нет ни слова о Мунвэле.

— Где это?

— Мунвэл... Ну, ты должен помнить, это тот самый город, в котором я столкнулся со всей той религиозной истерией. Даже ты согласился, что они зашли слишком далеко, когда я рассказал тебе об этом.

— Боже мой, сынок, ты все никак не слезешь с этого конька? Послушай, разве ты не можешь оставить в покое все эти культы? В наши дни таковых слишком мало, и не наше это дело — заниматься их разоблачением. — Он фыркнул и продолжил свою тираду. — Так или иначе, у нас нет практически никакой информации, никаких зацепок в этой области. Говорю это на тот случай, если ты все еще носишься с этим Мунвэлом.

— Все это верно. Раньше там был древнеримский свинцовый рудник. Теперь эту пещеру каждый год украшают — или делали это до прошлого года. Ну же, Чарли, ты должен помнить это.

— Сынок, вот что я скажу. Я занимаюсь журналистикой гораздо дольше, чем ты, и прошло уже чертовски много времени с тех пор, когда кто-либо мог обвинить меня в недобросовестности или сказать, что я взялся не за свое дело. Не представляю, чего тебе вдруг взбрело в голову, но ты застал меня врасплох посреди спора, и я чуть было не влез в другой. Послушай меня и заруби себе на носу, это и будет результатом нашей с тобой беседы: в районе Пикс никогда не существовало места с названием Мунвэл.

«Оно есть, оно существует, я был там», — захотелось крикнуть Нику, но Чарли уже повесил трубку. Ник, пытаясь сохранить спокойствие, положил телефонную трубку и полез в карман пиджака за записной книжкой. Зачем он позвонил Чарли? Только для того, чтобы отложить разговор с Дианой? Что он боялся услышать? Возможно, только приветствия высоким, холодным тоновым сигналом, означающим недоступность абонента.

«Телефонная станция могла быть перегружена», — сказал он сам себе и позвонил оператору. «Мунвэл», — сказал он и, когда девушка-оператор попросила уточнить, добавил, специально для нее произнося слова по буквам: «Мунвэл в Дербшире».

— Сожалею, сэр, — сказала она, — но у нас нет города с таким названием.

Ник уставился на мунвэлский номер, написанный рукой Дианы в его записной книжке, увидел, как трясется книжка в дрожащей руке. «Все в порядке», — сказал он себе, чувствуя странное спокойствие, словно все его страхи и опасения будут разрешены, если он узнает, что делать. Он не знал этого, пока не достиг ступенек и бегом стал спускаться по ним.

На улице моросил мелкий дождь, и бусинки воды успели окропить его лицо, пока он наконец не добрался до автомобильной стоянки. Когда он влез в свой «Ситроен», усталость и желание хорошенько выспаться, казалось, улетучились, хотя собственный взгляд, который он поймал, поправляя зеркало заднего вида, а также физиономия вряд ли выглядели достаточно убедительно; его большие, темные и немного насмешливые глаза пристально посмотрели на круглое лицо с заметно выдающимися скулами, широкий нос и рот, квадратный подбородок, который никогда не бывал чисто выбрит. Ник завел машину и двинулся по направлению к окраинам Манчестера.

Стокпортская дорога была запружена грузовиками, направлявшимися к Пикс. На одном перекрестке какой-то бойскаутский отряд задержал движение на пять минут, и Ник потерял счет числу красных огней светофоров, загоравшихся при его приближения к ним. У границы Стокпорта и Манчестера начался маленький городок с узкими улочками, задыхающимися от тесноты, и длинными рядами домов, которые стояли почти вплотную друг к другу. Одна из сторон улицы почти целиком была занята заводом, сдающим свои помещения в аренду. Ограждение завода представляло собой длинную глухую стену, сделанную из известняка, пожелтевшего словно глина под дождем. Пожилые люди в запылившихся машинах медленно двигались по середине дороги, неторопливо проезжая пешеходные переходы даже при отсутствии людей поблизости; и Ник подумал, что с такими темпами он никогда не достигнет горных вершин, проглядывавших над шиферными крышами. Потом, уже на городской окраине, дорога выпрямилась и расширилась на несколько ярдов, и он втопил газ. Обогнав четырех «тихоходов», его машина помчалась к вересковым пустошам.

Отлогие склоны под угрюмым небом отсвечивали разнообразными оттенками пятнистой зелени. Вересковые заросли горели пурпурным огнем, известняковые обрезы разрывали зеле-

ную завесу; забуренные, иссушенные временем каменные стены разделяли округлые склоны, напоминая примитивную схему человеческого черепа. Когда сузившаяся дорога стала виться, поднимаясь все выше и выше, становясь еще уже в местах пересечения с рекой, стены перед обрывом внезапно исчезли. Машина пронеслась мимо стреловидного заграждения на крутом изгибе дороги и выехала на спуск на пятьдесят футов. После этого заграждения стали попадаться реже, и теперь только канавы отделяли дорогу от круглых нагорий, где овцы мирно пощипывали траву с кочек и смотрели желтыми глазами на автомобиль Ника. На протяжении многих миль Нику не попалось ни одного дома или указателя, и вдруг он понял, что не знает, куда следует ехать дальше.

Он остановил машину на ровном участке дороги и выключил зажигание. На боковых окнах отпечатались многочисленные точки от ударов дождевых капель, которые смазали вершины гор впереди. Стеклоочистители при движении периодически издавали неприятный скрип. Под этот скрип Ник достал путеводитель и развернул карту дорог горного района.

В конце концов он заложил между страницами указательный палец и обратил хмурый взгляд на указатель направлений. «Мункоин, Мун, Мунзай», — читал он, а потом искал и вверху, и внизу столбец на тот случай, если в название вкралась какая-нибудь ошибка. «Это было там», — свирепо сказал он самому себе, открывая путеводитель вновь на карте дорог. С большим трудом он сумел определить свое местоположение; место, в котором он сейчас находился, располагалось в стороне от всех крупных дорог. Зеленое пятно рядом с Шеффилдом должно быть обозначало поросшие лесом склоны, видневшиеся впереди. Он pokrutil книгу и тряхнул головой, будто этими движениями мог избавиться от многочисленных вопросов, возникших при изучении маршрута. Сознание того, что название, которое он так искал, присутствует на страницах справочника, если только он не потерял способности видеть, вызвало в нем желание кричать от волнения и радости, разразиться потоком самой страшной брани, на которую он только был способен, желание, чтобы появилось то, что в состоянии разрушить чары. Он закрыл глаза, чтобы немного успокоиться и расслабиться. Неожиданно он осознал, что даже не знает, чего же будет искать.

В слепой ярости он ударил по гудку, который протяжно заревел на пустынной дороге. «Диана», — закричал он, но его голос оборвался и потонул в пространстве автомобиля. «Диана из Мунвэла», — и он вспомнил как ее длинные, черные как смоль волосы развевались на ветру по вересковым зарослям, вспомнил ее бледное, сужающееся как свеча лицо, огромные зеленые гла-

за. На одно мгновение рамки памяти расширились, и он вспомнил день, когда встретил ее; вспомнил, как гнал машину прочь из Мунвэла через старый лес вдали от сосен.

Да, вздохнул он. И принял решение. Он завел машину и поехал в дождь, который барабанил по крыше автомобиля и уже полностью скрывал от взора силуэты гор. Ему пришлось положить на свои чувства, говорящие, что лес впереди — один из тех объектов, которые он вспомнил; ему пришлось доверять инстинкту, верить, что чутье ведет его правильной дорогой. Сосны возвышались над ним, пока откос, на котором они росли, не стал почти вертикальным, и он подумал о зеленом братстве, гигантских стрелах в известковых колчанах и о зеленых ракетах. Погрузившись в мысли, он чуть было не проехал ответвление дороги, уходящее вглубь леса через каменное ущелье, петляя между его крутыми, поросшими мхом стенами.

Деревья сомкнулись над его головой и приглушили звук дождя, словно он ехал по туннелю. Он отключил стеклоочистители и остался наедине с ревущим двигателем. Теперь, как и тогда, отдельные дождевые капли проскальзывали сверху сквозь ветки деревьев и брызгали на лобовое стекло, хотя он и не мог увидеть небо в просветах между ветвями. Должно быть, спад напряжения и тусклый цвет сплошной стены из зелени убавляли его, так как он даже не заметил, когда сосны неожиданно сменились дубом и ясенем. Дорога, которая поначалу спускалась к лесу, стала подниматься, а деревья по-прежнему обступали ее со всех сторон. Теперь и облака, и ветви деревьев сгущались над его головой. Дорога стала такой тусклой и незаметной, что Нику пришлось включить фары. Плотно сомкнутые ряды деревьев, не пропускающих ни одного луча света, навели на мысли о стенах пещеры, являющихся основанием огромных горных кряжей, со стенок которых постепенно капает вода. Он вглядывался вдаль, пытаясь увидеть небо. Он должен вот-вот выехать из леса, если, конечно, это тот лес, а это без сомнения был тот самый лес. От переутомления ему казалось, что время идет слишком медленно. Он еще сильнее вдавил педаль акселератора, почувствовал, как быстро стали вращаться колеса. Глаза жгло от непрерывного блуждания в сырых темных стенах, на самом деле являвшихся деревьями. Неожиданно они отступили и исчезли, и он очутился под палящим небом, по которому неслись клочковатые облака.

Неогражденная дорога вела прямо к многочисленным утесам, напоминавшим своими формами заостренные хребты динозавров. Позади них, как он вспоминал теперь, местность резко уходила налево вниз к заросшей части гигантского утеса. Однажды он уже поднимался на этот гребень, чтобы увидеть сверху Мунвэл посреди сухой долины, а также единственную дорогу по

ту сторону города, ведущую к вересковой пустоши. Он уже снял ногу с акселератора, когда автомобиль плавно двинулся вперед, причем у него создалось неприятное впечатление, что несущиеся по небу облака словно застыли у него над головой.

Ему необходимо добраться до Мунвэла как можно скорее, пока утомленный рассудок не сыграл с ним очередную злую шутку, — если то, что произошло, действительно было. Самое главное, он хотел увидеть Диану и убедиться, что с ней все в порядке и она в безопасности. «Поспешай не торопясь», — сказал он себе и аккуратно нажал на педаль. Впереди не было слышно ни звука, не видно ни признака какого-либо движения. Он выключил все фары, и в тот момент, когда снова решительно нажал на педаль газа, и машина, и вся местность погрузились в полнейшую тьму.

В прошлом году

Глава 2

Стоило только ребятишкам из класса, в котором преподавала Диана, очутиться на свежем воздухе в районе вересковых зарослей, они сразу же начали шуметь и кричать, выражая желание прогуляться до пещеры. Теперь, когда они оказались вдали от недреманного ока школы, можно было расслабиться и стать более раскованными по отношению друг к другу. Не прошло и получаса, как все в них изменилось, и вот уже рыжий Томас отпускал плоские шуточки, заставляя хохотать своих закадычных дружков, а Салли водрузила очки, подвязанные шнурком, на самый кончик носа, становясь при этом похожей на бабуську, и стала советовать своей подружке Джейн взять ее за руку. Рони даже попытался незаметно достать рогатку из кармана мешковатых брюк, доставшихся ему по наследству от старшего брата, пока Диана не бросила на него предупредительный взгляд.

— Мы обязательно сходим посмотреть пещеру, если у нас останется на это время, — сказала она своим сорока трем питомцам. — Теперь запомните, что мы хотим увидеть конкретную работу в ваших тетрадках.

— Тогда мистер и миссис Скрэг обязательно узнают, что мы хорошо поработали, — сказала Джейн.

— Тогда они смогут убедиться, какие вы хорошие ребята и какой вы замечательный класс.

Возможно, они были такими же детьми, усвоившими житейскую мудрость, как и те, которых она обучала в Нью-Йорке. Они

должны стать такими, особенно некоторые из них, которые после летних каникул были переведены в класс миссис Скрэг. Ребя-тишки были чересчур бойкими и шаловливыми, говорила она себе, однако стоило ей только подумать о тех, кого она передала в лапы миссис Скрэг, как временами ей хотелось плакать.

Небо было чистое и яркое. В конце весны солнечный свет словно преображал местность, расширял вересковые поляны и выделял тенью иссохшие каменные стены, придавая облакам на горизонте легкий зеленый оттенок, демонстрируя, как они ви-лись вокруг вершин блестящими ручейками. Звуки и шум города остались где-то далеко. Две главные дороги, на Манчестер и Шеффилд, между которыми Мунвэл был единственным городом на протяжении многих миль, находились сейчас как вне преде-лов видимости, так и вне пределов слышимости. Диана на мгно-вение остановилась: ее руки были засунуты в карманы застегну-той на молнию шерстяной кофты, и солнце бросало яркий свет на ее лицо. Безмолвие, немного скрашивавшее пейзаж, воспри-нималось ею как первое впечатление от Мунвэла. Ее не покида-ло чувство, что она приехала домой.

Когда облака скрыли солнце от взоров, ей захотелось руками раздвинуть в стороны мрачные тучи, однако вместо этого она протянула их к детям и спросила:

— Кто из вас помнит, что я рассказывала вам о солнечном свете?

Дюжина поднятых рук с криками: «Мисс, я помню, мисс!» — было ей ответом. Она надеялась, что Эндрю Бевэн сможет отве-тить на вопрос, однако он ловко спрятался за спинами матерей Салли и Джейн, помогавших присматривать за детьми во время прогулки.

— Салли, это означает поднятую или опущенную руку? Ты можешь или не можешь ответить? — спросила она.

— Поднятую, мисс, — запротестовала Салли обиженным то-ном, поддерживая спадающие с носа очки. — Мисс, вы говорили, что у нас в Мунвэле гораздо меньше солнечного света, чем где-либо еще в Англии.

— Верно, меньше из-за высокой облачности и туманов. А по-этому вы никогда не должны... Ну же, смелей! Вы же знаете, че-го не должны делать...

— Не должны ходить на пустоши и гулять там без сопровож-дения взрослых, — ответствовал нестройный хор голосов.

— Вы сказали это сами. Помните, люди легко могут поте-ряться и навсегда пропасть там, на пустошах и в вересковых зар-ослях. Ну а теперь давайте найдем подходящее место, чтобы вы смогли уютно расположиться и приступить к работе и чтобы все мы могли наблюдать за наступлением полудня.

Сказав это, она повела детей по маленькой лесной тропинке по направлению к насыпи, где они расселись группками в зарослях вереска и начали заниматься работой. Она же принялась болтать с мамами девочек, периодически бросая пристальные взгляды на детей и наблюдая за их работой. Местность притягивала ее взор — эти бесконечные мили вересковых зарослей и травяных пучков. Необыкновенное неземное единообразие нарушалось лишь редкой каменной стеной или присутствием пересохшего русла ручья, отмеченного россыпями словно бы обгорелых кусочков пробки, редким шелестом травы и полетом одинокой пичуги. Тропа могла так незаметно привести вас вниз, что вы просто не уследили бы за тем, как вершины гор исчезли из поля зрения, оставив на горизонте, куда ни кинь взгляд, сплошные вересковые заросли. Склоны опять очистились от дымки, и Диана поймала себя на мысли, что она создана именно для того, чтобы наблюдать, что происходит вокруг. Возможно, ее не покидало ощущение чего-то родного, домашнего из-за воспоминаний о родителях, которые были родом из этих мест, хотя сейчас она осталась совсем одна. Очень скоро все дети заполнили страницы дневников и тетрадок записями и рисунками. «Картина» Эндрию, на которой изображен пучок вереска, была выполнена в цвете, но без соблюдения каких бы то ни было пропорций.

— Хорошо, Эндрию, — сказала она, не давая ему стереть нарисованное. Потом похвалила и остальных, как только могла. Она улыбнулась, смотря на одухотворенные лица детей. — Ладно, а теперь я хочу, чтобы вы встали в два ряда позади меня, и каждый пусть возьмет за руку своего товарища.

Как только она довела их до развилки, впереди показались утесы, взметнувшиеся ввысь, словно разбуженные великаны. Одно ответвление тропинки вело прямо в вересковые заросли, другое же следовало к окраинам Мунвэла, минуя пещеру, которой, очевидно, город и был обязан своим названием. С поверхности почвы на протяжении нескольких сотен ярдов вокруг бесплодная земля сползла к пещере; вся пустошь была словно истерзана, обнажая сквозь слой земли травы и вереск, песок и гравий. Диана подошла к углублению в земле и движением руки остановила детей: «Дальше мы не пойдем».

На расстоянии двух сотен ярдов от них, в центре каменной чаши, разверзлась пещера. Надо полагать, при взгляде на пещеру кто-нибудь непременно бы подумал, что она выглядит настолько широкой и глубокой, что, казалось, способна поглотить в своих недрах луну. Она действительно представляла собой гигантскую выбоину в скалах, пятидесяти футов шириной в горловине, окруженную со всех сторон известняковой стеной. В самый

первый раз, когда она пришла сюда и обошла всю стену, единственным, что она открыла для себя, было то, что даже ровно в полдень летом невозможно разглядеть дно этой котловины; отвесные стены, гладкие и скользкие, словно сало, погружались прямо во тьму, чей холод словно вырывался из котловины и достигал того места, где она сейчас стояла. Хотя она и понимала, что рано или поздно шахта еще проявит себя, что здесь что-то нечисто, чувства, эмоции влекли ее вниз. Насколько больше она осознавала опасность, исходящую из шахты, настолько сильнее ей хотелось спуститься прямо вниз и остаться там навсегда. Хотя дети были в полной безопасности здесь наверху, стоя на краю котловины, она ничего не могла с собой поделать, сознавая, что не следует брать их с собой туда.

— Никогда не спускайтесь далее этого места, хорошо? — сказала она и подождала, пока все до одного не пообещали ей это.

Потом они стали кричать, пытаясь вызвать эхо из глубин пещеры. Некоторые голоса создали какой-то шум внизу, не все, и Диана предположила, что такой эффект был достигнут только из-за высоты голосов. Она поглядела на Рони, который явно собирался выстрелить из рогатки, и готова была уже погрозить ему пальцем, когда мать Салли закричала:

— Эндрю!?

Диана обернулась, опасаясь, самого худшего. Однако ничего особенного не произошло: просто Эндрю отошел немного в сторону тропинки, склонившись над чем-то, что ползло прочь от котловины. Ребята столпились вокруг Эндрю.

— Фу, это же ящерица, — взвизгнула Салли.

Джейн отступила назад с возгласом отвращения:

— У нее же нет глаз!

Пока Диана бежала вслед за остальными детьми из своего класса посмотреть, что же случилось, Эндрю шагнул вперед и наступил ногой на существо, раздавив его каблуком. При этом он оглянулся назад, надеясь произвести должное впечатление на других детей, но те только с испугом отшатнулись от него.

— Оно, должно быть, выползло из пещеры, — сказала Диана, всматриваясь в месиво из внутренностей и белой кожи. — Жаль, что ты раздавил его, Эндрю. Интересно и необычно, для чего это существо выползло на поверхность. Не беспокойся, — спешно сказала она, заметив, как задрожали губы у мальчика. — Пока мы здесь, ты можешь рассказать нам, как поможешь пещере принарядиться.

Его маленькое, худое и бледное личико с намеком на брови выглядело негодующим.

— Я нарисую картинку с цветами, — пробормотал он, словно надеясь, что никто не услышит его.